Хогвартс - 19. Декабрь

Гарри сидел за своей новой партой и смотрел в окно, наблюдая за великолепным зрелищем тысяч белых снежных хлопьев, борющихся за первенство, а его рука проводила по гладкой деревянной поверхности его последнего достижения в области трансфигурации. Хмурясь, он молча смотрел на небо и размышлял о том, как ему поступить со своим крестным - единственным человеком, который безоговорочно любил его за то, что он просто Гарри.

Толстые пачки высококачественного пергамента - веллума или велина, как называла его леди Бродмур, - лежали рядом с дорогим лебединым пером и зачарованным чернильным горшком, наполненным маси - древними индийскими чернилами, изготовленными по рецепту, который был старше самого легендарного замка Хогвартс. Различные и очень сложные чары на богато украшенном горшке гарантировали, что чернила высохнут при первом же соприкосновении с пергаментом и что каждое автоматическое пополнение будет отчисляться в его Хранилище, лежащее глубоко в защищенных пещерах Гринготтса.

Ему не нравилась вся эта дорогостоящая атрибутика, но спорить с Элизой, как он стал называть ее наедине, казалось бесполезным занятием.

Поэтому он терпел.

Терпел и опустошал свои карманы от галлеонов, которые изначально планировал потратить на весь четвертый курс.

Слова, написанные на дешевом пергаменте, несмотря на их важность, всегда будут лежать в стопке бумаги, которую можно будет прочитать в другой раз", - сказала она.

Его первым побуждением было возразить против такого поверхностного совета, но один взгляд на строгое лицо директора придал этому предсказанию необходимую убедительность, и ему стало грустно. Грустно от того, что мир, который, несмотря на многочисленные опасности, таил в себе столько чудес, позволил себе быть таким поверхностным.

Дождь вырвался на свободу, вырвавшись из огромных грозовых туч на горизонте, и, когда первые капли упали на сваленный снег на подоконнике, он смотрел на то, как они сливаются, как смешиваются друг с другом, и мысли его летели со скоростью мили в минуту. Неужели в компании директора он постепенно теряет свою наивность, несмотря на веселый нрав старшего?

Он взял свою палочку и слегка взмахнул ею, зажигая свечу на столе и факелы, выстроившиеся вдоль стен его убежища, и заливая комнату мягким светом.

Освещенный различными мерцающими огоньками, он посмотрел на свою палочку. Искусство бессловесной магии было сложным, и, практикуя заклинание часами, он все еще должен был сознательно подавлять в себе желание вырваться из его уст.

Его взгляд упал на недавно приобретенный пергамент, и он напомнил себе о письме, которое ему еще предстоит написать этим вечером. За всеми хлопотами, связанными с Тривизардным турниром, он совсем забыл о Сириусе, и настало время сообщить ему о том, что происходит в его жизни. Он задавался вопросом, знал ли его крестный вообще о турнире, первом задании или драконе. Сказал ли ему Дамблдор, или Сириус рассердится, что узнал об этом только из письма, написанного уже после того, как опасность была преодолена?

"Конечно, расскажет. И, наверное, тоже придет сюда", - пробормотал он про себя. Это был бессмысленный вопрос. Сириус каким-то образом сумеет пробраться в Хогвартс, и хотя Гарри будет рад поддержке крестного отца... это будет невероятно опасная затея.

Десятки репортеров, как национальных, так и международных, уже роились в Хогвартсе, постоянно выискивая лучшую сенсацию или какой-нибудь неприятный слух. Важные политические фигуры, такие как министр и главы различных департаментов, то и дело появлялись в Хогвартсе, вели переговоры, занимались политикой и планировали турнир.

Даже форма Сириуса Анимагуса не могла выдержать такого пристального внимания, и снятие завесы секретности, лишившее его единственной возможности свободно передвигаться, обрекало его на скучную жизнь. Жизнь, которую только что сбежавший преступник возненавидел бы всем своим существом. Опасность анонимного доноса Червехвоста в Аврорский отдел, если появится хотя бы слух о черной собаке рядом с Гарри, еще больше усложняла ситуацию, выходящую за рамки смелой затеи.

Нет.

Для Сириуса было лучше оставаться там, где он сейчас находится. Подальше от британской юрисдикции, придирчивых политиков и мелких противников вроде Северуса Снейпа. Но как убедить его? Письмо должно было звучать и выглядеть по-взрослому, иначе Сириус серьезно недооценит его серьезность.

Он обмакнул кончик своего нового пера в чернила Misa-Ink и медленно начал писать, надеясь, что его крестный поймет всю серьезность письма.

Дорогой Сириус,

Прошу прощения за то, что не написал раньше, но, как вы, возможно, слышали, в Хогвартсе проходит Тривизардный турнир, и, согласно моему необыкновенному везению, я попал в очередную опасную для жизни ситуацию, и Огненный кубок сделал меня четвертым чемпионом, но надежда еще не потеряна".

Он сделал паузу и тщательно обдумал свои дальнейшие слова. Рассказывать Сириусу о драконе было бы крайне глупо и только подтолкнуло бы его, переполненного тревогой, к необдуманным поступкам.

Умолчание может быть лучшим вариантом, подумал он, и хотя он чувствовал себя отвратительно, он возьмёт на себя вину, когда опасность приезда Сириуса в Хогвартс минует.

Даже если это косвенно, профессор Дамблдор помог мне подготовиться к предстоящим задачам, и он же поможет мне справиться с ними, так что не волнуйтесь за меня слишком сильно.

Сириус, я умоляю тебя оставаться на месте! Пожалуйста, не будь глупцом и не приезжай сюда! Никакие трудности в моей жизни не стоят твоего заточения, и когда все это закончится, мы сможем наконец жить вместе. Твое возвращение в Азкабан только усложнит ситуацию.

Люблю тебя,

Гарри".

Выдохнув воздух через губы и еще раз перечитав письмо, Гарри искренне надеялся, что Сириус прислушается к его совету.

Он поднес пергамент к подсвечнику и позволил трем каплям горячего воска капнуть на нижнюю часть письма, прямо под своей подписью. Ругнувшись про себя, Элизе снял с пальца недавно приобретенное кольцо, обозначавшее его статус наследника Дома Поттеров, и вдавил его в красную массу, пока герб Поттеров не стал отчетливо выделяться, и его охватил прилив гордости.

Меч, пронзённый круглым щитом и увитый плющом, - простой и не такой вычурный, как некоторые гербы, которые он видел на генеалогических гобеленах, висевших в кабинете Зунгольнака, старшего в Гринготтсе по всем вопросам, связанным с родословной, но это был герб его семьи. Он показывал, что он принадлежит к ней.

После того как воск высох, он аккуратно свернул пергамент и перевязал его красной атласной лентой, более дорогой, чем имел право быть простой кусок ткани. Хотя назвать ее простой было бы неправильно, поскольку в нее были вплетены очень сложные чары, чтобы никто, кроме адресата, не смог ее ослабить.

Гарри надеялся, что Сириус будет настолько удивлен знаком отличия Поттера, что на время забудет обо всех планах, которые он вынашивал, чтобы навестить его.

""Ленис Планипс. Фиери Иноленс".

Гарри взмахнул палочкой, снова заглушая звук ударов ботинок о пол и исчезая в запахе. Взяв со стола готовое письмо, он с величайшей осторожностью положил его в мантию и взял в руки привычный плащ, который после десятилетий использования все еще ощущался в его руках как жидкая ткань.

Как только он вышел из своего убежища на третьем этаже и закрыл дверь, его палочка пришла в движение, сплетая в воздухе фигуры и руны.

""Клауструм Превалео".

" Порта Оперирас".

Теперь, когда для того, чтобы открыть вход в свою личную комнату, требовалось нечто большее, чем простое Алохомора, он мог проделать долгий путь до Совятни, где его ждала Хедвиг. Он содрогнулся при мысли о том, как она будет сердиться на него за то, что он пренебрегал ею два месяца.

Окутанный темнотой, скрытый отцовским плащом, он двинулся к большим лестницам в центре Хогвартса, держась за углы, где свет факелов не мог достать его и уберечь от внезапных отражений, затрагивающих его самое дорогое.

Он уже давно перестал бояться выходить за пределы школы после комендантского часа - многие из его приключений, в конце концов, только усилили его пренебрежение к этому определенному правилу, но сегодня он мог обойтись без конфликта между ним и силами порядка и правильного поведения.

Его зеленые глаза пронзали ночные тени Хогвартса, когда он крался со ступеньки на ступеньку, неуклонно следя за созвездием лестниц, чтобы избежать их резких движений. Все глубже и глубже он погружался в нижние уровни Хогвартса, пока не остановился перед старым портретом у входа в подземелья.

"Торжественно клянусь, я ничего не замышляю!" - прошептал он и с нежностью посмотрел на старый и потрепанный пергамент, на котором черными чернилами медленно вырисовывались очертания его школы, раскрывая ее самые сокровенные тайны.

Тщательная проверка окрестностей показала, что ни Снейпа, ни Слизерина поблизости нет, а Филч, старый и ворчливый смотритель, медленно пробирается к подземельям.

"Озорство удалось".

Он быстро сложил карту, созданную его отцом и друзьями, и закрепил ее на поясе, а затем взглянул на портрет перед собой.

На портрете мирно спала довольно упитанная ведьма в синей мантии и остроконечной шляпе, которую украшала ее голова, и, казалось, ее ничто не беспокоило. Звук сапог, ударяющих по фундаменту Хогвартса, приблизился, и с нарастающей паникой, совершенно неподобающей чемпиону, он понял, что это Филч, стоящий за следующим углом.

"Патикс церефа!" - сурово прошептал он и выскочил через открывшийся вход, как только портрет отпрыгнул в сторону, пробудив от сна унылую ведьму. Только после того, как отверстие в портрете захлопнулось, он позволил себе устало вздохнуть и расслабить напряженные мышцы. Пробираться через Хогвартс было бы гораздо веселее, если бы он не нес с собой письмо, которое в чужих руках могло стать смертельно опасным, подумал он.

Цепная реакция, которую мог бы вызвать Филч, попади он в руки с завязанным пергаментом, могла оказаться катастрофической. Гарри был уверен, что у смотрителя не было ни знаний, ни сил, чтобы избавиться от заколдованной ленты - это стало ясно после того, как он подтвердил слухи о том, что Филч был сквибом на втором курсе, но Северус Снейп - совсем другое дело.

Филч, несомненно, встревожил бы профессора, который больше всех недолюбливал Гарри, - Снейпа, и, хотя он не знал, сообщил ли ему Дамблдор о невиновности Сириуса, он ни за что не отдал бы существование Сириуса в руки своего ничтожного профессора зельеварения. Между ними было слишком много дурной крови, и он не мог быть уверен, что Снейп не откажется от своей рациональности - или того, что от неё осталось, - чтобы получить горькую сладкую месть.

Как бы Гарри ни был уверен в том, что чары, вплетенные в нелепое дорогое полотно, сработают, мысль о том, что Северус Снейп может заполучить его в свои руки, не давала ему покоя. Неизвестно, сможет ли человек с такими познаниями в Тёмных искусствах преодолеть наложенные на него высокотехнологичные чары секретности.

Нет. Этой ночью Снейпа и Филча следует избегать любой ценой.

"Люмос!" - пробормотал он, когда от звуков, издаваемых Филчем, остался лишь отдаленный гул. Несколько минут он блуждал по потайному ходу - высоко, низко и за углами, - размышляя о том, как научиться бесшумно накладывать световые чары. Дойдя до конца пути и встав за спиной одного из гигантских каменных воинов, украшавших первый этаж Часовой башни, он с тихим "нокс" погасил свет на кончике своей палочки, полностью лишив зал света.

http://tl.rulate.ru/book/101244/3477316